

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ девятнадцатый.

ВЫХОДЯТЪ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

27-го Сентября 1881 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные №№ Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1881 г. по 10 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 39.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Дѣйствія Правительства.

— О способахъ исключенія епархіальною властію изъ духовнаго званія причетниковъ, подвергшихся наказаніямъ со стороны судовъ гражданскаго вѣдомства. Св. Правит. Синодъ слушалъ: докладъ синодальной канцеляріи о томъ, что нѣкоторые епархіальныя начальства, получивъ извѣщенія о состоявшихся въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ приговорахъ, коими церковные причетники присуждаются къ какому либо наказанію, признаютъ возможнымъ, не входя въ ближайшее обсужденіе самаго свойства тѣхъ поступковъ, которые вѣнены означеннымъ лицамъ въ вину со стороны надлежащаго суда гражданскаго вѣдомства, постановлять опредѣленія объ исключеніи упомянутыхъ лицъ изъ духовнаго званія и таковыя опредѣленія свои обращаютъ къ исполненію безъ соблюденія установленнаго въ ст. 181 уст. дух. конс. апелляціоннаго обряда. Приказали: имѣти въ виду, что по точному смыслу дѣйствующихъ узаконеній исключеніе церковныхъ причетниковъ изъ духовнаго званія, какъ непремѣнное послѣдствіе состоявшихся о сихъ лицахъ приговоровъ подлежащаго уголовнаго суда, можетъ имѣти мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда означенные церковные причетники присуждены къ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или съ потерей всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, какъ лично, такъ и по состоянію осужденнаго, ему привоенныхъ (улож. о наказ. изд. 1866 г. ст. 22, 23, 25, 43, 44, 47, 50), и принимая во вниманіе, что наказанія, опредѣляемые мировыми судебными установленіями въ предѣлахъ предоставленной имъ законами власти, сами по себѣ не влекутъ за собою ни потери, ни ограниченія гражданскихъ правъ лица осужденнаго (уст. о наказ. нал. мир. суд. ст. 1), Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: дать знать циркулярно, по духовному вѣдомству, для надлежащаго руководства, чрезъ припечатаніе въ «церковномъ вѣстникѣ»: 1) что опредѣленія объ исключеніи изъ духовнаго званія церковныхъ причетниковъ за такіе проступки, за которые лица эти присуждены къ наказаніямъ по приговорамъ мировыхъ судебныхъ установленій, могутъ быть постановляемы епархіальными начальствами не прежде, какъ по тщательномъ въ каждомъ данномъ случаѣ разрѣшеніи подлежащимъ духовнымъ судомъ вопроса о томъ, не

составляютъ ли проступки церковныхъ причетниковъ, по которымъ состоялись упомянутые приговоры мировыхъ судебныхъ установленій, такого рода дѣянія, которыя не могутъ быть признаваемы совмѣстимыми съ званіемъ лица, принадлежащаго къ клиру, и 2) что постановленныя на семъ основаніи духовными судами опредѣленія должны быть обращены къ исполненію общимъ, установленнымъ для сего въ ст. 181 уст. дух. конс., порядкомъ.

Мѣстныя Распоряженія.

— **Перемѣщенія.** 23 сентября, на вакантное мѣсто настоятеля къ Вистицкой церкви, Брестскаго уѣзда, перемѣщенъ, согласно прошенію, настоятель Миловидской церкви, Слонимскаго уѣзда, *Андрей Жебровский*, на его мѣсто перемѣщенъ настоятель Наревской церкви, Вѣльскаго уѣзда, *Антоній Новицкій*, а къ Наревской церкви перемѣщенъ настоятель Вѣльской Воскресенской ц. *Антоній Кузьминскій*.

— 19 сентября, на вакантное мѣсто псаломщика въ с. Олекшицахъ, Гродненскаго уѣзда, перемѣщенъ, согласно прошенію, и. д. псаломщика Великоберестовицкой церкви, *Григорій Дмитевскій*.

— 19 сентября, состоявшій на вакансіи псаломщика при Меречской церкви, Трокекаго уѣзда, *діаконъ Іосифъ Кравцовичъ* уволенъ, по прошенію, отъ должности.

— 21 сентября, на вакантное мѣсто діакона при Ковенскомъ соборѣ назначенъ и. д. псаломщика при Брестскомъ крѣпостномъ соборѣ *Осипъ Гриневскій*.

— 18 сентября, на вакантное мѣсто псаломщика при Руднянской церкви, Пружанскаго уѣзда, перемѣщенъ, согласно прошенію, и. д. псаломщика Пружанской Христорождественской церкви *Осипъ Марцинкевичъ*.

— 22 сентября, и. д. псаломщика *Теодоръ Тарановичъ*, перемѣщенный изъ с. Рѣчиць, Пружанскаго уѣзда, въ с. Рогозну, оставленъ, согласно прошенію, на прежнемъ мѣстѣ—въ с. Рѣчицахъ.

— 22 сентября, утверждены въ должности церковныхъ старостъ выбранные къ церквамъ: 1) Горецкой, Слонимскаго уѣзда, кр. с. Горки *Василій Ивановъ Капитанчикъ*; 2) Суражской, Бѣлостокскаго уѣзда, крест. села Завыкъ *Яковъ Яковлевъ Костеша*; 3) Леонпольской, Дисненскаго уѣзда, кр. дер. Дворчанъ *Онубрій Ивановъ Бѣлоусъ*.

Мѣстныя Извѣстія.

— **О ревизіи церквей.** По предложенію Его Высокопреосвященства отъ 22 сего сентября, Преосвященными Викаріями въ текущемъ году имѣютъ быть обзрѣваемы церкви уѣздовъ Слонимскаго и Лидскаго.

— 19 сентября, преподано архипастырское благословеніе Его Высокопреосвященства 1) пастоятелю Вѣльскаго св.-Михайловской церкви *Августину Тарановичу* и прихожанамъ за усердіе ихъ къ храму Божию, выразившееся въ пожертвованіи на починку его 1989 р. 53 к. 2) Церковному старостѣ Добромысльской церкви, Слонимскаго уѣзда, *Трофиму Сергѣичу*, предѣдателью церковноприходскаго попечит. *Якиму Стрѣльченту*, волостному писарю *Юревичу*, помѣщику имѣнія Добромысль г. *Юндзилу*, крестьянкамъ: *Инатію Ляшко*, *Симеону Лазарчику* и др. прихожанамъ за пожертвованія ихъ на починку церкви и устройство ограды вокругъ оной, а равно и на церковную утварь и ризницу (до 240 р.). 3) 21 сентября—прихожанамъ Михайловской церкви, гор. Вѣльска, мѣщанину дер. Спичковъ *Ивану Яконку* и семейству крестьянина (умершаго жертвователя) *Стефана Галушевскаго* за усердіе ихъ къ храму Божию.

— 20 сентября, рукоположенъ во священника къ Сосновской церкви, Свенцянскаго уѣзда, *Капитонъ Трошкій*.

— 14 сентября, Слонимскимъ благочиннымъ освящена Порѣцкая церковь, послѣ ея ремонта.

— 20 сентября, Глубокскимъ благочиннымъ освящена новоустроенная изъ Козьянской кладбищенской часовни церковь кладбищенская.

— **Пожертвованія.** Въ Залѣскую церковь, Ошмянскаго уѣзда, постушили слѣд. пожертвованія: изъ Москвы изъ торговаго дома В. Н. Немирова-Колодкина отъ неизвѣстнаго благотворителя священные сосуды изъ серебра и евангеліе съ серебряными наугольниками цѣною въ 200 р.; отъ крест. Сергѣя Калинина золотое кольцо въ 5 р.; отъ солдатки вдовы Елены Ивановой 8 р.; отъ М. Н. Королькова 5 р.; отъ П. И. Звѣрова 5 р.; отъ Сергѣя и Маріи изъ Рязани 3 р.; отъ П. Тимоѣева 1 р. и отъ А. Вѣлковскаго 1 р.

— **Некрологъ.** 13 сентября, скончался и. д. псаломщика Олекшицкой церкви, Гродненскаго уѣзда, *Яковъ Дѣтеевскій*.

— **Вакансіи.** Настоятеля: въ с. *Городкѣ*—Вѣдотскаго уѣзда, въ м. *Иліи*—Вилейскаго уѣзда, въ г. *Бѣльскѣ* при Воскресенской ц., въ с. *Ситцахъ*—Вилейскаго уѣзда, при *Друйской* Благовѣщенской ц. и въ с. *Римкахъ*—Дисненскаго уѣзда. Псаломщика: при Брестскомъ крѣп. соборѣ, въ с. *Старо-Корнинѣ*—Брестскаго уѣзда, въ с. *Гольшанахъ*—Ошмянскаго уѣзда, въ г. *Пружанахъ*—при Христорожественской ц., въ с. *Кердѣвкѣ*—Виленскаго уѣзда, въ с. *Церковникахъ*—Брестск. уѣзда, въ с. *Велико-Берестовицѣ*—Гродненскаго уѣзда, въ с. *Меречи*—Трокекаго у. и въ с. *Рогозной*—Кобрынск. уѣзда.

Неофициальный Отдѣлъ.

О томъ, что мы должны неизмѣнно хранить православіе, какъ вѣрнѣйшее и совершеннѣйшее исповѣданіе Богооткровенной истины и какъ лучшее достояніе русскаго народа.

(изъ слова въ недѣлю православія).

Аще кто благовѣститъ вамъ наче, еже пріяте, анаѣма да будетъ. (Галат. 1, 3).

Грозное и чрезвычайно важное внушеніе слышится въ

этомъ изреченіи ап. Павла. Оно имѣетъ такой смыслъ: кто проповѣдуетъ вѣру не такъ, какъ учили св. апостолы,—кто какъ нибудь измѣняетъ или искажаетъ божественное ученіе, принятое церковію отъ Спасителя, Его апостоловъ и ихъ преемниковъ, св. отцевъ, тотъ *да будетъ анаѣма*, т. е. отлученъ отъ общества вѣрующихъ, того церковь не признаетъ своимъ сыномъ и не допускаетъ къ участию въ св. таинствахъ. Эту же самую мысль внушаетъ и церковь, совершая чинъ православія и анаѣматствуя тѣ ереси и заблужденія, которыя отчуждаютъ нетвердыхъ въ вѣрѣ христіанъ отъ православной церкви. Осуждая такъ строго и вслухъ всѣхъ эти заблужденія, церковь имѣетъ въ виду предохранить насъ отъ размножившихся нынѣ лжеучителей и строго внушить, что каждый изъ насъ долженъ вѣрно и неизмѣнно хранить православную вѣру въ той чистотѣ и полнотѣ, въ какой она была проповѣдана Спасителемъ, Его апостолами и ихъ преемниками—св. отцами и учителями церкви.

Неизмѣнность вѣры... да это оковы мысли, застои жизни, которая ищетъ движенія и развитія. Такъ думаютъ тѣ, которые въ дѣлѣ вѣры хотѣли бы видѣть ту же свободу мысли, тѣ же приливы новостей, ту же измѣчивость въ мнѣніяхъ и сужденіяхъ, какія видимъ въ исторіи человѣческой мысли, въ развитіи науки. Для кого особенно привлекательны приливы новостей въ наукѣ, тому неизлишне напомнить, что и въ ней цѣнно не то, что интересно только какъ новость, а то, что имѣетъ характеръ неизмѣнныхъ истинъ; а изъ этихъ истинъ еще болѣе цѣнно то, что имѣетъ значеніе началъ, проливающихся свѣтъ на многія явленія жизни и объясняющихъ ея законы. Такія начала, основныя истины и въ наукѣ ревниво охраняются, какъ своего рода святыня, и тѣхъ, которые не умѣютъ цѣнить такія истины, называютъ глупцами, невѣждами: это своего рода анаѣма, которою они—такъ сказать—отлучаются отъ общества просвѣщенныхъ людей. Если бы наука не имѣла такихъ неизмѣнныхъ и руководящихъ истинъ, то потеряла бы свой смыслъ, подобно тому, какъ и жизнь теряетъ свой смыслъ и значеніе въ глазахъ тѣхъ, которые среди ея текущихъ явленій, измѣненій, не видятъ ничего прочнаго, въ вѣки пребывающаго. Если же и наука не можетъ существовать безъ неизмѣнныхъ истинъ, то тѣмъ болѣе религія, гдѣ все исходитъ отъ вѣчнаго Бога и ведетъ къ вѣчности. Неприкосновенность и неизмѣнность вѣчныхъ истинъ вѣры, открытыхъ человѣку самимъ Богомъ, для здраваго ума представляется тѣмъ болѣе настоятельной нуждой, что въ дѣлѣ религіи умъ человѣческой, безъ божественнаго руководства, заблуждается болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой области вѣдѣнія. Потому то и дано человѣку откровеніе вѣчныхъ истинъ, которыя тверже и непреложнѣе неба и земли: *небо и земля преидутъ, словеса же мои не мимо идутъ*, сказалъ Спаситель (Матѣ. 24, 35). Отсюда понятно, что неизмѣнность истинъ вѣры, открытыхъ Самимъ Богомъ, составляетъ существенную, неотъемлемую черту православія. Этимъ именно и отличается оно отъ всѣхъ другихъ вѣроисповѣданій. Православіе—это единственное въ мірѣ вѣроисповѣданіе, въ которомъ во всей полнотѣ и чистотѣ сохранено все, чему училъ Спаситель, Его апостолы и ихъ ближайшіе преемники, св. отцы и учителя церкви.

Сохранивъ неизмѣнно божественное ученіе, православная церковь тѣмъ самымъ сохранила всѣ условія къ правильному развитію религіозной жизни. Тотъ жалко ошибается, кто думаетъ, что неизмѣнность вѣры есть оковы мысли и развитія жизни. Истинное и неизмѣнное есть основа, корень жизни

всего, что живетъ и движется. Безъ неизмѣннаго не было бы жизни, правильнаго органическаго развитія и жизнь потеряла бы свой смыслъ. Послушаемъ, что говорить одинъ изъ древнихъ учителей, Викентій Лиринскій, разсуждавшій о прогрессѣ вѣры. Онъ ставитъ вопросъ: «возможно ли въ церкви дальнѣйшее преуспѣваніе религіознаго вѣдѣнія? и такъ отвѣчаетъ: возможно, въ высшей степени возможно, — только бы это было подлинное преуспѣваніе, дѣйствительный прогрессъ вѣры, а не измѣненіе ея. Прогрессъ состоитъ въ усовершенствованіи извѣстной вещи безъ превращенія ея во что нибудь другое. Пусть знаніе и мудрость съ каждымъ поколѣніемъ и вѣкомъ возрастаютъ, какъ во всякомъ членѣ церкви, такъ и въ цѣломъ ея составѣ; но при всѣхъ этихъ успѣхахъ существо вѣры, ея догматы, смыслъ ея ученія должны быть неизмѣнны. По какому закону развивается тѣло, по такому же должна развиваться и душа. Тѣла съ теченіемъ времени растутъ и увеличиваются въ объемѣ, но въ сущности всегда однѣ и тѣже и имѣютъ одни и тѣже члены. А если бы случилось, что внѣшній видъ, свойственный человѣку, превратился бы въ какой-либо другой образъ, или прибавился бы какой нибудь членъ въ его тѣлѣ, — то все тѣло погубило бы, или было бы уродливымъ, или потеряло бы крѣпость. Тѣмъ же законамъ должна слѣдовать и вѣра христіанъ, т. е. съ лѣтами совершенствоваться, расширяться и возвышаться, оставаясь однако же всегда цѣлою и ничего не теряя изъ своихъ частей» (см. Труд. К. Д. Ак. за 1865 г. т. 1, стр. 32—33). Такому закону правильнаго органическаго развитія изъ основныхъ началъ вѣры православіе и слѣдовало въ раскрытіи и разъясненіи всего относящагося къ религіи. Поэтому ученіе православной церкви отличается строгою послѣдовательностію въ развитіи религіозныхъ понятій и представляетъ собою цѣльную, органически развитую систему, въ которой все имѣетъ между собою живую связь, все отпечатлѣвается характеромъ единства, совершенной вѣрности основной идеѣ христіанства, идеѣ безконечной любви Божіей, спасающей падшаго человѣка страданіями, смертію и воскресеніемъ Единороднаго Сына Божія, при живомъ и дѣятельномъ участіи силъ самаго человѣка, какія остались у него послѣ грѣхонпаденія прародителей, передавшихъ своимъ потомкамъ печальное наслѣдіе — грѣховную порчу. Совершенною вѣрностію этой основной идеѣ христіанства и органическимъ развитіемъ вѣроученія православіе отличается отъ всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій, изъ коихъ каждое болѣе или менѣе отклонилось отъ основныхъ началъ богооткровеннаго ученія.

Чтобы виднѣе было, какъ благотворна вѣрность основнымъ началамъ вѣры въ развитіи системы религіозныхъ понятій и какъ вредны для религіозной мысли и жизни измѣны этимъ началамъ, представимъ примѣры. У насъ многіе думаютъ, что между православіемъ, католичествомъ и протестантствомъ разницы существенной нѣтъ, — что онѣ расходятся въ чемъ нибудь второстепенномъ, касающемся не сущности религіи, а внѣшнихъ ея обнаруженій. Такой взглядъ обыкновенно подтверждается словами: «и у православныхъ, и у протестантовъ, и у католиковъ Богъ одинъ, Спаситель одинъ, заповѣди Божіи однѣ». Въ общемъ все это такъ: и православные, и католики, и протестанты одинаково читаютъ въ Библии слѣдующія мѣста, которыя выражаютъ сущность христіанской религіи: *Богъ есть любовь* (1 Иоан. 4, 8). *Онъ такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго на смерть, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную* (Иоан. 3, 16); *Онъ*

есть умилостивленіе за грѣхи наши, и не только за наши, но и за грѣхи всего міра (1 Иоан. 2, 2). *Если Богъ такъ возлюбилъ насъ, то и мы должны любить Его* (1 Иоан. 3, 18). *Возлюбимъ Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твою, и всею крѣпостию твою, и всѣмъ разумнѣемъ твоимъ, и ближняго своего какъ самого себя* (Лук. 10, 27—28). Все это, повторяемъ, одинаково съ нами читаютъ и признаютъ основными началами христіанской религіи и католики и протестанты; но если всмотритесь въ католическія и протестантскія системы вѣроученія, то увидите, что весьма многое въ нихъ совсѣмъ не вяжется съ этими началами религіи и сама эти начала какъ бы исчезаютъ, такъ что въ неправославномъ богословствованіи ни въ Богѣ не видно безпредѣльной отеческой любви къ человѣку, ни въ человѣкѣ сыновней любви къ Богу. По католическимъ воззрѣніямъ, Богъ и послѣ страданій и смерти Сына Его за грѣшный родъ человѣчскій представляется какъ бы не вполне умилостивленнымъ безконечно великою жертвою, принесенною Спасителемъ за грѣхи міра, и требуетъ со стороны человѣка удовлетворенія правосудію Божію соразмѣрно и пропорціонально грѣхамъ. Ради искупительныхъ заслугъ Иисуса Христа человѣкъ хотя и освобождается отъ грѣховной вины и вѣчныхъ мученій за свои беззаконія, но гнѣвъ Божій, по католическому ученію, продолжаетъ тяготѣть надъ человѣкомъ и послѣ того, какъ ему даруется отпущеніе грѣховной вины и вѣчныхъ мученій. Чтобы получить спасеніе, человѣкъ долженъ не только усвоить себѣ искупительныя заслуги Иисуса Христа, но и принести еще правосудію Божію свой выкупъ. За каждый произвольный грѣхъ, для удовлетворенія правды Божіей, человѣкъ долженъ понести кару, принять надлежащее возмездіе. Богъ, такъ сказать, не можетъ примириться съ человѣкомъ ради однихъ только искупительныхъ заслугъ Иисуса Христа, и потому мститъ людямъ за ихъ произвольные грѣхи — въ несчастіяхъ земной жизни, а въ загробной — въ чистилищѣ, гдѣ и за простительные грѣхи человѣкъ наказывается и потомъ уже допускается въ мѣсто блаженства. Такимъ взглядомъ на Бога, какъ на карателя, не оставляющаго никакого грѣха безъ соотвѣтствующаго наказанія, оправдывается у католиковъ и то ужасное учрежденіе, которое извѣстно подъ именемъ инквизиціи, неутомимо преслѣдовавшей всѣхъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ враговъ папства. Инквизиція, какъ извѣстно, въ средніе вѣка приводила въ трепетъ Европу, томила толпы народа въ страшныхъ тюрьмахъ, подвергала ужасающимъ пыткамъ, жгла на кострахъ, осуждала цѣлые города и даже области на истребленіе. Когда инквизиторамъ говорили, что между подвергающимися пыткамъ на тысячу приходится, можетъ быть, одинъ виновный, — инквизиторы отвѣчали: «пусть лучше тысячи погибнутъ, чѣмъ хоть одинъ дѣйствительно виновный ускользнетъ отъ суда церкви, (т. е. инквизиціи); такъ Богу угодно». Здѣсь, въ этомъ католическомъ ученіи, трудно узнать милосерднаго, безконечно любящаго Бога Отца: Онъ превращенъ въ суроваго судію. И человѣкъ въ католическомъ ученіи не выдерживаетъ сыновняго характера въ отношеніи къ Богу. Католическіе моралисты много хлопотали о томъ, чтобы облегчить христіанскій подвигъ для человѣка, найти для него — такъ сказать — право исполнять не весь христіанскій долгъ, не лишая при томъ человѣка права на вѣчное блаженство. Для этой цѣли католическіе моралисты въ безграничномъ христіанскомъ долгѣ отыскиваютъ границы — вотъ какимъ способомъ: *будите совершенны, яко же Отецъ вашъ*

небесный совериенъ есть—этотъ идеалъ, совмѣщающій въ себѣ всѣ заповѣди любви во всей ихъ широтѣ, этотъ безграничный нравственный долгъ католическіе моралисты схоластически раздѣляютъ на двѣ части—на заповѣди и такъ называемые евангельскіе совѣты; заповѣди признаютъ обязательными, а совѣты—необязательными. Кто исполняетъ заповѣди, тотъ исполняетъ только должное, а кто при томъ исполняетъ и совѣты, у того являются сверхъ-должныя дѣла; изъ нихъ католическая схоластика устроила сокровищницу, какой-то складъ духовнаго добра. Для чего это? для того, чтобы изъ него могли брать духовное добро неимущіе его и уплачивать долгъ Богу: купи индульгенцію и можемъ самъ не трудиться много на поприщѣ добра! На этомъ не остановилась католическая мораль въ поискахъ границъ въ безграничномъ христіанскомъ долгѣ для облегченія тяготящихся имъ. Иезуиты изобрѣли систему облегченнаго благочестія для тѣхъ, которымъ хочется и насладиться мірскими удовольствіями и не лишиться райскаго блаженства. Иезуитская система морали, между прочимъ, учитъ, какъ обращаться съ совѣстью—съ этимъ внутреннимъ закономъ и судіею—и какъ обращаться съ внѣшнимъ, положительнымъ закономъ,—какъ ограничивать и направлять совѣсть, когда она строго судитъ грѣхи и настойчиво требуетъ исполненія долга,—какъ перетолковывать законъ въ угоду нашей грѣховной природѣ. Въ иезуитской морали сокращеніе нравственнаго христіанскаго долга дошло до того, что оказался возможнымъ невозможный вопросъ: сколько разъ въ жизни человѣкъ долженъ полюбить Бога? На невозможный вопросъ данъ такой-же отвѣтъ, но не тономъ учительскаго авторитета: можно даже только разъ въ жизни полюбить Бога, но нельзя, чтобы ни разу не полюбить! Чтоже значить эта любовь къ Богу, дѣлимая на разы? Это минутное теплое настроеніе духа, минутныя порывы къ Богу. И этого-то, по иезуитской морали, достаточно въ крайнихъ случаяхъ для человѣка, чтобы угодить Богу! Правда, что иезуитская мораль не общекатолическое ученіе; правда, что иезуитство это уродливый паростъ на тѣлѣ католической церкви; но все-таки иезуитство плоть отъ плоти ея и кость отъ костей ея, кость, на которую опирается и папскій престоль. Иезуитская мораль есть крайнее выраженіе той ошибки, по которой въ католической системѣ вѣроученія дѣлу искудленія падшаго человѣчества кровію Сына Божія дана, какъ выражаются, юридическая постановка, вслѣдствіе чего религіозный союзъ человѣка съ Богомъ въ католическомъ вѣроученіи получаетъ характеръ судебного процесса между ними: Богъ въ этомъ процессѣ представляется такимъ судіею, который хочетъ взыскаъ съ человѣка весь долгъ, ничего не хочетъ ему простить, а человѣкъ представляется не сыномъ любящимъ, а неключимымъ рабомъ, который какъ бы торгуется съ Богомъ и хочетъ дать Ему какъ можно меньше, не желая однако же утратить права на вѣчное блаженство. Такъ въ католичествѣ понимается самая сущность религіи!

Не лучше католичества поняло сущность религіи и протестанство, которое славится ученостью и научною постановкою религіозныхъ вопросовъ. И въ протестанствѣ—въ принципѣ—*Богъ любви есть*—и человѣку читаются тѣ же заповѣди любви, что и у насъ; но въ лютеранствѣ, первой изъ протестантскихъ сектъ, Богъ является Отцемъ, простирающимъ свою любовь и милосердіе къ человѣку до слабости: Онъ Самъ все дѣлаетъ за человѣка, а отъ него требуетъ одной вѣры безъ дѣлъ. Въ реформатствѣ Богъ, для однихъ избранныхъ, — Отецъ, спасающій ихъ потому только, что они

избранные, а для другихъ, неизбранныхъ, Богъ олицетворяетъ собою судьбы, какой-то неизбежный рокъ, по которому неизбранные погибаютъ. Здѣсь мы не узнаемъ своего Бога, который *хочетъ всемъ человекомъ спастися и въ разумъ истины прийти*. Не узнаемъ въ реформатствѣ, какъ и въ лютеранствѣ, и человѣка, обязаннаго къ сыновней любви къ Богу. Человѣку, по протестантскому воззрѣнію, если можно такъ выразиться, нечѣмъ и любить Бога, такъ какъ, по ученію протестантовъ, человѣкъ чрезъ грѣхонаденіе прародителя до того повредился, что въ немъ не осталось ни одной искры прежнихъ духовныхъ силъ: онъ утратилъ вполне свою свободу и всякую способность къ добру. Такимъ взглядомъ на силы падшаго человѣка и объясняется причина, по которой все дѣло спасенія человѣка въ протестанствѣ предоставляется Богу, а человѣкъ является безучастнымъ въ этомъ дѣлѣ. Но вотъ странное противорѣчіе въ протестанствѣ: человѣкъ трактуется въ немъ до крайности разслабленнымъ первороднымъ грѣхомъ и совершенно неспособнымъ къ добру; а между тѣмъ въ протестантскомъ мірѣ разумъ человѣка является главнымъ руководителемъ въ пониманіи вѣры. Почему же дано у нихъ столько довѣрія разуму разслабленнаго человѣка въ такомъ важномъ дѣлѣ, въ которомъ долженъ быть высшимъ авторитетомъ божественный авторитетъ? Вотъ почему: человѣкъ, по ученію протестантовъ, хотя и палъ и разслабился до потери всѣхъ духовныхъ силъ, до неспособности къ добру, но спасеніе падшаго принялъ на себя Самъ Богъ: Онъ дѣйствуетъ на каждого человѣка безъ всякаго посредства церковной іерархіи, дѣйствуетъ непосредственно и на умъ человѣка: если мысль его занята дѣлами вѣры, то въ умѣ человѣка мыслить какъ бы Самъ Богъ. Отсюда въ протестанствѣ полное довѣріе уму и въ дѣлахъ вѣры, отсюда полная свобода толковать вѣру по личному пониманію, отсюда рознь въ пониманіи ея, раздробленіе на секты, которыхъ такъ много въ протестанствѣ.

Вотъ до какихъ крайностей въ дѣлѣ религіи доходятъ люди въ странахъ, считающихся самыми образованными въ мірѣ, когда измѣняютъ началамъ вѣры, открытымъ Самимъ Богомъ и даютъ волю разуму въ дѣлѣ вѣры. Въ православной церкви нѣтъ и тѣни похожаго на тѣ крайности, какія видимъ въ католичествѣ и протестанствѣ, хотя православную вѣру исповѣдуютъ народы, считающіеся менѣе образованными, чѣмъ народы католическаго и протестантскаго міра. А это потому, что православная церковь и въ способахъ храненія религіозной истины слѣдовала богоустановленнымъ порядкамъ и подчиняла разумъ авторитету божественному: она руководится въ дѣлѣ вѣры св. писаніемъ, которое толкуетъ по разуму вселенской церкви. Голосъ же сей церкви—въ св. преданіи, которое въ православной церкви имѣетъ значеніе равностное съ св. писаніемъ. Это не то, что въ католичествѣ, гдѣ главный руководитель въ дѣлѣ вѣры—папа съ своимъ папскимъ преданіемъ, и не то, что въ протестанствѣ, гдѣ каждый въ дѣлѣ вѣры хочетъ быть папой. Потому-то тамъ и самая сущность религіи не вѣрно понята, а въ православной церкви все осталось вѣрнымъ духу любви христіанской.

Теперь посмотримъ, какими чертами отличилъ духъ любви православной церкви жизнь русскаго народа отъ другихъ народовъ католическаго и протестантскаго міра. Здѣсь найдемъ мы новыя побужденія хранить неизмѣнно свою вѣру, какъ самое лучшее достояніе русскаго народа.

Мало развитъ русскій народъ сравнительно съ западными народами; мало онъ знаетъ и не глубоко понимаетъ свое

православіе, часто не слушалъ и не слушаетъ голоса своей вѣры; но при всемъ томъ православіе съ свойственнымъ ему духомъ любви и мира отпечатлѣлось во всемъ теченіи жизни русскаго народа и въ складѣ характера русскаго человѣка такими почтенными чертами, которыя необычны нашимъ западнымъ сосѣдямъ, такъ гордымъ своимъ просвѣщеніемъ. Если сравнить общій ходъ исторіи русскаго народа съ ходомъ исторіи западныхъ народовъ, то нельзя не замѣтить, что теченіе жизни ихъ было бурно, а у русскаго народа мирно. На западѣ, въ католическомъ и протестантскомъ мірѣ, народы всё права свои брали, какъ говорится, съ бою, а на Руси это доставалось мирнымъ путемъ. Тамъ были и религіозныя войны, въ которыхъ народы завоевали себѣ право на свободу вѣроисповѣданія; у насъ этого не было. Тамъ, на западѣ, были крестьянскія войны, которыми приходилось добывать свободу отъ крѣпостной зависимости, а у насъ—кто не знаетъ—какъ это мирно и хорошо совершилось. Тамъ, на западѣ, и церковь боролась съ государствомъ и государство съ церковью; у насъ и этого не было; государство всегда воздавало *Божіе Богови* и покровительство церкви; церковь у насъ всегда воздавала *Кесарево Кесареву* и никогда не искала преобладенія надъ государствомъ, какъ это было на западѣ. Всѣ эти явленія могутъ объяснять такъ или иначе, могутъ указывать на разныя историческія обстоятельства, благопріятствовавшія такому складу русской исторіи; но при этомъ никто не рѣшится отрицать, что православная вѣра своимъ духомъ любви и мира болѣе, чѣмъ что-либо другое, созидала такъ мирно русскую жизнь. Отсутствие въ русской жизни насильственныхъ переворотовъ въ гражданской жизни, которыхъ было такъ много на западѣ, показываетъ, что къ духу русскаго народа цѣльнѣе привилась идея промысла Божія, чѣмъ къ духу западныхъ народовъ. Вѣра въ промыслъ Божій лучше всего миритъ человѣка и съ самымъ тяжелымъ складомъ жизни и даетъ терпѣніе переносить неудобства въ жизни—въ той мысли, что лучше потерпѣть до времени неудобства и лишенія, чѣмъ лить кровь человѣческую. Такого терпѣнія не доставало у западныхъ народовъ, и они совершали насильственные перевороты въ гражданской жизни; а русскій человѣкъ всегда былъ богатъ терпѣніемъ, благодаря именно своей вѣрѣ въ промыслъ Божій и уваженію къ своей старинѣ, откуда идутъ корни русской жизни и главный корень ея—православная вѣра, съ которою предки наши создали русское государство. Отсюда именно русскій народъ почерпаетъ ту охранительную силу, съ которою спокойно противустоитъ разрушительнымъ вѣтрамъ, дувшимъ съ запада и дующимъ изъ нашихъ домашнихъ подпольевъ нигилизма. Цѣльнѣе, чѣмъ на западѣ, привилась идея промысла Божія къ духу русскаго народа и въ томъ отношеніи, что онъ лучше, чѣмъ западные народы, помнитъ, куда направляется вся исторія человѣка: онъ помнитъ, что вся жизнь идетъ въ вѣчность, гдѣ будетъ судъ всѣмъ народамъ. Въ общемъ складѣ русскаго народа эта мысль имѣетъ очень ясныя слѣды: «какъ ни живи, а умирать надо», говоритъ русскій человѣкъ, «и надо готовиться къ отвѣту на страшномъ судѣ». Общій складъ жизни на западѣ иное говоритъ: тамъ и массы простаго народа уже освоились съ матеріализмомъ, проповѣдующимъ, что человѣкъ живетъ только на землѣ. Тамъ и главный попечитель религіозной жизни нерѣдко подавалъ примѣръ заботы болѣе о царствѣ земномъ, чѣмъ о небесномъ.

Въ сознаніи русскаго человѣка крѣпка и та черта православія, въ которой выражается сущность христіанской религіи; а именно

—мысль что добрая жизнь человѣческая можетъ быть устроена только при взаимодействіи любви божественной и человѣческой. Эта главная, существенная идея православія хорошо выражается въ русскихъ пословицахъ: «безъ Бога—ни до порога; на Бога надѣйся и самъ не плошай». Эта мысль, религіозно усвоенная, воспитала на Руси много сильныхъ характеровъ и могучихъ дѣятелей русской земли. Въ торжественныя минуты исторіи, когда весь русскій народъ проникался этою мыслию, онъ являлся истинно великимъ народомъ, народомъ Божиимъ. Такимъ онъ особенно являлся во время великихъ искушеній и общественныхъ бѣдствій. Еслибы эта православная пословица—«на Бога надѣйся и самъ не плошай»—сдѣлалась всегдашнимъ правиломъ русскаго человѣка, онъ скоро и далеко пошелъ бы по пути здороваго и всесторонняго развитія. Но, къ несчастію, русскій человѣкъ сильно полюбилъ русское по звуку, но не православное по духу—авось: «авось Богъ дастъ, авось какъ нибудь». По своему духу это «авось» болѣе свойственно протестантству, предоставляющему дѣло спасенія человѣка одному только Богу. Наша лѣность присвоила себѣ неправославное «авось», и сколько оно вредитъ намъ и въ религіозной, и въ гражданской, и въ домашней жизни! Но напрасно думаютъ, что авось—исключительное достояніе русскаго человѣка: «авось» есть и у западныхъ народовъ католическаго и протестантскаго міра, но тамъ оно хуже, чѣмъ русское авось: у насъ оно въ частныхъ правилахъ и привычкахъ и сознается все-таки какъ грѣхъ; а тамъ, на западѣ, авось—въ принципахъ и, развитое систематически, выдается либо за слово истинной вѣры, либо за слово науки и высшаго просвѣщенія. Папа—непогрѣшимый руководитель церкви—развѣ это не авось? Разумъ—какъ верховный руководитель въ дѣлахъ вѣры у протестантовъ—развѣ не авось? На этихъ трехъ «авосѣ» основана вся нравственная жизнь на западѣ. Тамъ не на авось дѣлается только то, чѣмъ можно деньги наживать. Объ этомъ и у насъ многіе стали болѣе заботиться, чѣмъ о чемъ либо другомъ, и думаютъ поправить этимъ свою всю жизнь. Забыли, видно, русскіе люди, что и чрезъ золото рѣкою слезы горькія текутъ.

Замѣчательны черты духа любви и мира, отпечатлѣнные вѣрой на жизни русскаго человѣка въ отношеніи къ ближнимъ, какъ къ своимъ согражданамъ. Въ этомъ отношеніи русскій человѣкъ во многомъ не таковъ, какъ его западные сосѣди: у нихъ всѣ гражданскія отношенія устроены на юридическихъ основаніяхъ. Это знакъ развитаго ума, но вмѣстѣ и знакъ нравственной порчи, отъ которой пришлось ограждать широкимъ развитіемъ законодательства: законъ преступленій ради приложится (Гал. 3, 79), говоритъ ап. Павелъ. Русскій человѣкъ не юристъ. Это свидѣтельствуетъ о его малоразвитости, но вмѣстѣ и о томъ, что онъ нравственно свѣжъ. Эта свѣжесть, между прочимъ, видна въ томъ, что русскій человѣкъ не любитъ судиться: «лучше кусокъ поля отрѣжь, да отдай, говорить онъ, а въ судъ не ходи». Для русскаго человѣка любезнѣе поладить съ ближнимъ безъ суда, по душѣ; у него, какъ говоритъ онъ, «душа—мѣра»; онъ вѣритъ въ душу, и въ крестъ на груди. И тамъ, гдѣ русскій человѣкъ дѣлаетъ по душѣ, осѣненный крестомъ, тамъ все идетъ хорошо, обиды не будетъ никому. Поэтому многія сдѣлки въ народѣ совершаются безъ всякой юридической постановки. Эта черта въ русскомъ народѣ напоминаетъ слово Господне, сказанное чрезъ пророка о временахъ новаго завѣта: «дамъ законы моя въ мысли ихъ и на сердцахъ ихъ напишу я. И духъ мой

дамъ въ васъ: и сотворю да въ заповѣдяхъ моихъ ходите и суды моя сохраните и сотворите я. (Перем. 31, 33. Іезек. 36; 26, 27).

Замѣчательнъ характеръ русскаго народа духомъ христіанской любви, проявляющимся въ международныхъ отношеніяхъ. Кажется, ни у одного изъ всѣхъ народовъ западныхъ нѣтъ такого равновѣсія между національнымъ и общечеловѣческимъ, какъ въ духѣ русскаго народа. У всѣхъ другихъ народовъ запада преобладаетъ національный эгоизмъ, въ послѣднее время до того разившійся, что западная Европа въ этомъ отношеніи сильно напоминаетъ древній языческой міръ, который не имѣлъ и понятія объ общечеловѣческомъ, жилъ исключительно національною жизнью. Тамъ все, даже божество, имѣло національный характеръ, поэтому язычество и называется язычествомъ, т. е. народничествомъ. Оно-то и проглядываетъ въ жизни западныхъ народовъ въ международныхъ отношеніяхъ: общечеловѣческіе интересы на западѣ забываются въ политикѣ, только и слышно въ ней: «народные интересы, народная политика». Что же это за политика? Это политика кулачнаго права, «политика крови и желѣза». Кто сильнѣе, у кого больше войска, денегъ, пушекъ, ружей, тотъ имѣетъ право отнять у другаго народа, что захочется, лишь бы пришелся удобный для этого историческій моментъ. И эта политика считается теперь послѣднимъ словомъ мудрости, руководящей на западѣ международными отношеніями. Такая политика не по душѣ русскому народу, онъ хочетъ самъ жить, да любить, чтобы и другимъ было хорошо. Недавняя война съ Турціей сказала всему міру, что можетъ дѣлать русскій человѣкъ для защиты угнетенныхъ народовъ. Мѣткое слово объ этой русской чертѣ сказалъ нашъ незабвенный Достоевскій, котораго оплакалъ недавно весь мыслящій русскій людъ. Покойный сказалъ: «русскій человѣкъ можетъ чувствовать себя счастливымъ тогда, когда будетъ видѣть всѣхъ счастливыми». Это глубоко правдивое слово о русской душѣ, воспріявшей духъ православія. Русскую христіански-настроенную душу не удовлетворитъ то счастье, которое опредѣляется личными либо національными интересами. Его высшій идеаль—это общее счастье, о которомъ христіанина пріучаетъ помышлять церковь, какъ о вѣнцѣ жизни, научая молиться о мирѣ всего міра, и напоминая о томъ торжественномъ моментѣ, которымъ завершить Богъ всю исторію человечества: это блаженство всѣхъ лучшихъ людей во взаимномъ общеніи и союзѣ съ Богомъ въ небесномъ царствіи. Русскій православный человѣкъ—въ своей справедливости въ международныхъ отношеніяхъ—есть представитель вселенскихъ началъ христіанской вѣры, представитель общечеловѣческаго въ его лучшемъ, высшемъ смыслѣ, какое ему даетъ христіанство, впервые открывшее міру понятіе о человечествѣ, о братской любви ко всѣмъ народамъ, какъ одной семьѣ Божіей.

Справедливый и услужливый для блага другихъ народностей, русскій человѣкъ часто бываетъ не справедливымъ къ своей національности, когда отстаетъ отъ своей вѣры. Старинный русскій человѣкъ, устроившій всю жизнь на началахъ православія, былъ исполненъ сознанія своего достоинства, умѣя соединять съ нимъ и смиреніе. Сознавая свою національность, называя себя русскимъ, онъ прежде всего сознавалъ свою вѣру и говорилъ: «я православный», и въ этомъ была у русскаго человѣка главная основа сознанія своего достоинства; въ словѣ-православный у него готовъ былъ и высшій идеаль человѣка, и твердое основаніе для правильной критической оцѣнки своей текущей жизни, а съ этимъ и вѣрное указаніе, что у него хорошо и что худо.

Сознавая худое, онъ смирялся, но не предавался самопоруганію, не предавался бесплодному раскрыванію своихъ язвъ, не предавался отчаянію въ поискахъ средствъ къ исцѣленію своей болѣзни. Онъ зналъ, что дѣлать, въ чемъ и какъ исправляться, онъ искалъ причину зла прежде въ самомъ себѣ, а не въ комъ либо другомъ и былъ дѣятеленъ въ своемъ покаяніи. Но, къ несчастію, нынѣшній русскій человѣкъ, такъ называемый передовой человѣкъ, сталъ какъ-будто стыдиться своего православія и потерялъ «народную почву», потерялъ и сознаніе національнаго достоинства, и вмѣсто прежняго спасительнаго смиренія, ведшаго русскаго человѣка къ покаянію, возлюбилъ бесплодное самопоруганіе, послѣ котораго не знаетъ, что дѣлать, какъ и чѣмъ поправляться, ищетъ вины не въ себѣ, а въ «средѣ заѣдающей» и ждетъ поправки своей жизни только отъ внѣшнихъ реформъ, не заботясь исправлять по-христіански свою душу. Самопоруганію у насъ и конца не видно, а между тѣмъ жизнь ясно указываетъ, какой ужасный вредъ оно дѣлаетъ нашему молодому поколѣнію: это самопоруганіе, эта хула на все русское подтачиваетъ у молодыхъ людей вѣру въ жизнь вообще и въ русскую въ особенности, развиваетъ разочарованіе въ жизни, еще не испытанной и знакомой только по слухамъ, да по писаніямъ любителей раскрывать чужія раны и собирать всякій житейскій соръ. Этотъ разрисованный соръ многихъ изъ молодыхъ людей гналъ въ нигилизмъ, въ подполье, въ общество людей, призывающихъ народъ къ топору, чтобы разрушить все, созданное вѣками. Это нашъ главный нынѣшній недугъ, который не знаютъ, чѣмъ и какъ лечить. Къ вѣрѣ, къ вѣрѣ православной, къ этому лучшему достоинію русскаго народа, къ этой животворной струѣ русской народной жизни; она волеетъ новую жизнь въ ослабѣвшіе члены русскаго организма, яснѣе отмѣтитъ въ обликѣ русскаго человѣка тѣ прекрасныя черты, которыми отличила его отъ другихъ народовъ. Тогда найдется ускользнувшая куда-то «народная почва», которую теперь опредѣляютъ многіе только одиными мелочами бытовой жизни; съ вѣрой явится сознаніе національнаго достоинства, затихнетъ этотъ шумъ самопоруганія, вмѣсто его возникнетъ христіанское смиреніе, ясно сознающее, что дѣлать; явятся люди, въ характерѣ которыхъ будетъ должное равновѣсіе заботъ о временномъ и вѣчномъ; а такіе люди теперь нужны, особенно нужны для Россіи.

Архимандритъ Анастасій.

Отвѣтъ изъ Вильны на несправедливыя обвиненія духовенства виленской епархіи и литовской консисторіи (письмо къ редакціи).

«Современныя Извѣстія», въ передовой статьѣ № 174 за текущій годъ, предпославъ разсужденія объ агитирующей дѣятельности польскаго духовенства въ дисненскомъ уѣздѣ, виленской губерніи, устраивающаго здѣсь съѣзда (въ г. Друѣ, какъ сообщаютъ газетѣ, въ день празднованія памяти св. Антонія, 13 іюня сего года, былъ съѣзды 12 ксендзовъ) и употребляющаго другія средства въ видахъ поднятія католичества, далѣе слѣдующимъ образомъ иллюстрируетъ положеніе дѣлъ въ здѣшнихъ православныхъ приходахъ:

«Въ Свято-Духовскомъ приходѣ, въ той же Друѣ, говоритъ газета, за послѣднія пять лѣтъ совратилось не мало. Тоже произошло въ Повѣтскомъ приходѣ и въ Козаковскомъ. а теперь творится и въ Селискомъ, все въ томъ же уѣздѣ. Въ 50 годахъ текущаго столѣтія приходы Свято-Духовскій,

Повѣтскій и Казаковскій были самые многолюднѣйшіе; теперь же, когда населеніе лишилось своихъ отеческихъ храмовъ, не осталось ни души православныхъ. Рядомъ съ этимъ воздвигаются новые каменные католическіе костелы. Уполномоченный Селискаго прихода ходатайствуетъ предъ московскимъ купечествомъ о средствахъ на построеніе приходской церкви въ Селискомъ обществѣ на мѣстѣ разрытой православной церкви, о чемъ упоминали и мы въ №№ 254 и 317 за 1880 годъ. «Селиская церковь, читаемъ въ прошеніи, стоявшая въ деревнѣ Пѣтунахъ, была самостоятельной приходской до 40 годовъ; потомъ отъ этой церкви священника перевели къ Чересской церкви, а Пѣтуновскую слѣдали приписной, а пять лѣтъ назадъ чересскіе священники совершенно уничтожили Селискую церковь. На это безбожное дѣйствіе чересскихъ священниковъ крестьяне селискаго общества формально жаловались отъ 1 августа 1880 г. архіепископу и генералъ-губернатору виленскимъ. На ихъ жалобу былъ отвѣтъ: «крестьянамъ селискаго общества дозволяется строить новую церковь». Разумѣется, дозволеніи одного мало; нужны, кромѣ вѣры и надежды, еще и добрые люди. При этой церкви есть достаточное количество пахатной и сѣнокосной земли, вполне обеспечивающей церковный причтъ. Есть и жилия постройки для причта. Крестьяне просятъ возратить имъ со всеѣмъ недвижимымъ имуществомъ ихъ же священника, теперь живущаго при Чересской церкви и почти безъ дѣла. Нужна только постройка храма. Читая прошеніе уполномоченнаго Селискаго прихода, кажется, точно не объ исконномъ русскомъ краѣ идетъ рѣчь, а о подневольной еще Болгаріи. Въ городѣ Друѣ, по словамъ уполномоченнаго отъ крестьянъ, стоитъ старинная православная Петропавловская церковь на прочномъ каменномъ фундаментѣ, съ каменной колокольной, служащей притворомъ церкви; но по бѣдности мѣщанъ, еще оставшихся православными, крыша на этой церкви въ нѣсколькихъ мѣстахъ проломилась. Стѣны церкви, построенныя изъ корабельнаго дерева, котораго теперь во всемъ краѣ не найдется, чрезвычайно прочны. Въ церкви стоитъ трехъ-архусный иконостасъ, состоящій изъ иконъ древнѣйшей живописи, уцѣлѣвшій отъ истребленія уніей. Между тѣмъ мѣстный священникъ, уничтожившій уже Свято-Духовскій храмъ и его приходъ, а равнымъ образомъ присоединившій къ своему Благовѣщенскому приходу и Петропавловскій приходъ, уже испросилъ указъ виленской православной консисторіи (отъ 9 ноября 1876 года, за № 916), разрѣшающій ему употребить Петропавловскій храмъ на печеніе просфоръ». Изложенная нами просьба «исходитъ изъ устъ отцевъ-крестьянъ, дѣти которыхъ уже молятся подъ звучные органы въ польскихъ костелахъ». Да сохраняется пока еще уцѣлѣвшіе православные храмы отъ позорной казни—сожженія въ еврейскихъ печахъ!»

Литовскому епархіальному начальству ничего не извѣстно объ агитирующей дѣятельности (на которую указываетъ газета) мѣстнаго польскаго духовенства, подвѣдомаго, какъ извѣстно, министерству внутреннихъ дѣлъ. Епархіальному начальству ближе извѣстна не менѣе нежелательная агитация нѣсколько иного рода, которой служить, между прочимъ, и московская газета, открывшая свои столбцы, кромѣ вышецитированной передовой статьи, раньше въ №№ 254 и 317 за 1880 г. двумъ «бѣлорусскимъ письмамъ». Дѣло, интересами котораго прикрывается эта агитация, и пускаемая ею въ ходъ средства, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Литовское епархіальное начальство, въ октябрѣ 1871 г., въ виду поступившихъ къ нему донесеній друйскаго благо-

чиннаго и ходатайствъ мѣстныхъ причтовъ, удостовѣрившихъ, что двѣ приписныя деревянныя церкви Свято-духовская въ друйскомъ и Пѣтуновская (кладбищенская) въ чересскомъ приходѣ—вслѣдствіе ветхости, находятся въ полуразрушенномъ состояніи, такъ что первая, по этой причинѣ, упразднена еще въ 1868 г., разрѣшило сломку этихъ церквей, предписать матеріалъ ихъ употребить согласно 64 ст. устава духовныхъ консисторій. Священникъ Чересской церкви распорядился разобрать Пѣтуновскую церковь, употребивъ строительный матеріалъ на топливо для нуждъ церкви, а ветхія иконы, остатки утвари и прочія церковныя принадлежности, неимѣющія цѣнности, но имѣющія священное значеніе въ глазахъ народа, по его распоряженію, собраны были въ кучу и, по мѣстному обычаю, сожжены. Такая участь, постигшая обѣ церкви, не возбудила ни малѣйшаго неудовольствія въ мѣстныхъ прихожанахъ, что становится понятнымъ, если принять во вниманіе, что обѣ церкви, даже въ той скромной роли, которая на нихъ выпадала, по своей ветхости, не приносили никому никакой пользы. Прихожане, по крайней мѣрѣ, ничего не заявляли ни мѣстнымъ причтамъ и благочинному, ни преосвященнымъ викаріямъ, ревизовавшимъ церкви, ни наконецъ епархіальному начальству.

Только спустя восемь лѣтъ, именно въ августѣ 1880 г., къ архіепископу литовскому и виленскому поступило прошеніе отъ крестьянъ селискаго общества, подписавшихся въ числѣ 63 человекъ. Домогательства крестьянъ, прописанныя въ прошеніи, такъ и тѣ доводы и разсужденія, которыми они мотивировались, послужили въ послѣдствіи предметомъ «бѣлорусскаго письма»; появившагося въ № 317 «Соврем. Извѣстій». Въ прошеніи, но еще съ большою рельефностью въ «бѣлорусскомъ письмѣ», выставляются на видъ слѣдующія преимущества, по которымъ приписная Пѣтуновская церковь заслуживаетъ предпочтенія предъ приходскою Чересскою: 1) первая (построенная въ 1811 году) болѣе древняя, чѣмъ Чересская (построенная въ исходѣ прошлаго столѣтія, на иждивеніе кн. Сапѣги); 2) имѣеть при себѣ большое количество пахатной и сѣнокосной земли (которой при ней вовсе не имѣется), и 3) представляетъ мѣстныя удобства въ отношеніи сообщенія и другія, какъ и всякая церковь, для той деревни, гдѣ находится. Просители жаловались на мѣстнаго священника, повергшаго ихъ въ ужасъ сожженіемъ въ церкви церковнаго имущества, указывали на прискорбныя послѣдствія, которыя влечетъ за собою трудность сообщенія ихъ съ Чересскою церковью, въ смыслѣ обращенія цѣлѣхъ деревень къ костеламъ. По вышеприведеннымъ основаніямъ, селискіе крестьяне просили епархіальное начальство возстановить закрытую Пѣтуновскую церковь на счетъ разобравшаго ее священника, обратить ее въ самостоятельную приходскую церковь и, въ случаѣ неудовлетворенія ихъ ходатайства по первому пункту, разрѣшить имъ постройку новой церкви на счетъ суммъ Чересской. Литовское епархіальное начальство предписало друйскому благочинному по вышеизложеннымъ даннымъ прошенія произвести мѣстное дознаніе. Друйскій благочинный, произведши таковое, прислалъ въ литовскую консисторію слѣдующій, скрѣпленный кромѣ его, благочиннаго, подписями и печатами чересскаго волостнаго старшины и его помощника протоколъ, приводимый здѣсь дословно: «1880 г., декабря 2-го дня. Вслѣдствіе указа литовской духовной консисторіи, отъ 28 августа сего года за № 5900, послѣдовавшаго по жалобѣ нѣкоторыхъ прихожанъ Чересской церкви на священниковъ сей церкви, за уничтоженіе ими приписной церкви въ дер. Пѣтунахъ, прибывъ на мѣсто въ с. Черессы,

я пригласилъ въ мѣстное волостное правленіе всѣхъ подписавшихся на прошеніи крестьянъ. Изъ числа подписавшихся явилось только 24 лица, которыхъ я въ присутствіи волостнаго старшины и сельскаго старосты и допросилъ. Изъ нихъ 22 крестьянина объяснили, что они никакого прошенія на своихъ священниковъ не подавали, никого о томъ не просили и о содержаніи прошенія ничего не знаютъ; слышали только, что бывший крестьянинъ Чересской волости, а нынѣ учитель въ г. Москвѣ, Максимъ Шамшуръ собиралъ народъ въ деревню Дворное-Село и писалъ какое-то прошеніе. Два же крестьянина, В. Кухаренокъ и З. Грецкій, заявили, что они дѣйствительно подавали прошеніе, но желали прописать въ ономъ только о возстановленіи Пѣстуновской приписной церкви».

Такимъ образомъ ходатайство крестьянъ сельскаго общества о возстановленіи церкви и учрежденіи самостоятельнаго прихода въ дер. Пѣстунахъ, обращенное къ гражданскому и духовному начальствамъ и столь громко возвышенное въ печати, какъ оказалось, было фальсификаціею, дѣломъ неразборчивой на средства частной интриги. Не смотря, однакожъ, на такой результатъ дознанія, пролившій свѣтъ на дѣло, литовское епархіальное начальство сочло долгомъ, въ устраненіе недоразумѣній на будущее время, объявить крестьянамъ сельскаго общества, въ январѣ 1881 г., что съ его стороны не встрѣчается препятствій къ устройству новой церкви въ дер. Пѣстунахъ, на мѣсто разобранной кладбищенской, но что расходы по устройству таковой церкви должны принять на себя сами крестьяне; обязывать причтъ Чересской церкви нести эти расходы епархіальное начальство не находитъ основанія, равно какъ и не можетъ разрѣшить ихъ изъ суммъ Чересской церкви по ея бѣдности.

Пресвященный Евгеній, бывший викарій литовской епархіи, обревизовавъ въ 1875 г. церкви дисненскаго уѣзда, между прочимъ нашель, что въ г. Друѣ, въ Благовѣщенскомъ приходѣ, кромѣ приличной каменной церкви, имѣется приписная Петропавловская церковь. Церковь эта деревянная, съ каменною колокольнею, и ветхая, была заброшена, кругомъ застроена грязными еврейскими домиками и внутрь себя представляла жалкій видъ. Литовское епархіальное начальство, соглашаясь съ мнѣніемъ преосвященнаго Евгенія и въ виду отзывомъ мѣстныхъ причтовъ, распорядилось закрыть вышеупомянутую церковь, иконостасъ ея перенести въ кладбищенскую церковь Преображенскаго прихода, а каменную колокольню, какъ уцѣлѣвшую, обратить въ мѣстную часовню по чертежу, составленному техникомъ Добрыникомъ (журнальное опредѣленіе отъ 3-го іюня 1880 г. и протокольное отъ 16 сентября того же года). Стало быть приписная церковь въ Друѣ и Чересскомъ приходѣ закрывались по усмотрѣнію епархіальнаго начальства, руководившагося уважительными данными, а не по прояскамъ мѣстныхъ священниковъ, дѣйствующихъ въ заднихъ видахъ. Совершенно неумѣстно и лишено всякаго разумнаго основанія домогательство, чтобы ветхія деревянныя церкви, самой незатѣливой архитектуры, строившіяся обыкновенно на одинъ ладъ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, на иждивеніе прихожанъ и мѣстныхъ помѣщиковъ, чтобы такого вида церкви, оставшіяся безъ употребленія, съ каждымъ годомъ разрушавшіяся и лишеныя притомъ всякаго значенія въ археологи-

ческомъ и историческомъ отношеніяхъ, сохранялись какъ памятники православія или бывшей уни.

Злоупотребленіе печатнымъ словомъ, выходящее, очевидно, изъ побужденій, неизбѣжныхъ ничего общаго ни съ интересами крестьянъ сельскаго общества, ни съ интересами православія и археологии, становится менѣ терпимымъ, когда дѣйствіямъ епархіальнаго начальства приписываются результаты, прямо противоположныя тѣмъ интересамъ, на стражѣ которыхъ оно стоитъ, и въ доказательство тенденціознаго обвиненія приводятся фантастическіе, либо превратно истолкованные факты. По словамъ автора «бѣлорусскихъ писемъ» (Соврем. Изв. 1881 г. № 317) и газеты, внявшей его голосу (№ 174, 1881 г.), прихожане, вслѣдствіе вышеозначеннаго сокращенія приходовъ и закрытія «древнихъ» православныхъ церквей, не находя удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ, массами стали совращаться въ латинство: не только цѣлыя деревни, но и приходы мало по малу перешли въ латинство. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ не было ни одного случая такого совращенія. Если допустить, что редація «Современныхъ Извѣстій» давала мѣсто на столбцахъ газеты «бѣлорусскимъ письмамъ» по недоразумѣнію, какъ и всякая редація, неизбѣжная возможности провѣрить сообщаемые факты, то появленіе передовой статьи, повторяющей превратныя извѣстія и неосновательныя разсужденія о дѣятельности литовскаго епархіальнаго начальства и подвѣдомыхъ ему священниковъ, представляется по меньшей мѣрѣ страннымъ послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» г. Кояловичемъ въ статьѣ «Народная скорбь» («Церк. Вѣстн. за текущій годъ № 8), съ авторитетомъ ученаго, близко знакомаго съ Бѣлоруссіею, на основаніи документальныхъ данныхъ.

Е. Н.

(Церков. Вѣстн.)

Ченстоховская Чудотворная Икона Богородицы.

Историческое изслѣдованіе, съ изложеніемъ находенія иконы въ г. Ченстоховѣ, съ рисунками. С. Н. А. С—ва. Вильна. 1881 года. Стр. 1-х—179. Цѣна 25 к. на лучшей бумагѣ и 20 к. на бумагѣ средняго сорта.

Складъ изданія въ г. Вильнѣ, у законоучителя учительскаго института и гимназіи священника Никодима Соколова, въ зданіи института, на Большой улицѣ. Продается въ книжныхъ магазинахъ г. Вильны.

Содержаніе № 39.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА. Указъ Св. Синода. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. Перемѣщенія. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. О ревизіи церквей. Преподаніе архипастырскаго благословенія. Пожертвованія. Вакансіи. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. О томъ, что мы должны неизмѣнно хранить православіе, какъ вѣрнѣйшее и совершеннѣйшее исповѣданіе Богооткровенной истины и какъ лучшее достоинствѣ русскаго народа. Отвѣтъ изъ Вильны на несправедливыя обвиненія духовенства виленской епархіи и литовской консисторіи.

Предыдущій № сданъ на почту 20-го Сентября.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.